

ВЛАДИМИР ИЛЬЧЕВ (СКВЕР)

Аметистовые Грозы

16+

Владимир Ильичев (Сквер)

Аметистовые Грозы

Издательские решения

По лицензии Ridero

2016

УДК 82-1
ББК 84-5
И46

Ильичев (Сквер) Владимир
И46 Аметистовые Грозы. — [б. м.] : Издательские решения, 2016. —
132 с. — ISBN 978-5-4474-4724-3

...И молния в джинсовой ткани
летит архисказочно вниз...

«Аметистовые Грозы» — сборник любовной и философской лирики, преимущественно 2015 года написания. Книга-мечтание, книга-посвящение, книга-подарок. Несмотря на то, что автор фреАчит по меАмиру подчеркнута определённым и парадоксально хаотическим курсом, некоторые произведения могут заинтересовать и стороннего читателя — если тот понимает любовь как счастье без хомута, а творчество как доступ к чудесам и продолжение космоса красоты.

УДК 82-1
ББК 84-5

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Владимир Ильичев (Сквер), 2016
© www.free digitalphotos.net Boykung,
ISBN 978-5-4474-4724-3 фотографии, 2016

*В тяжёлый час невзгод грустить не стану,
А за окном, где воеет ветер лютый,
Я вновь увижу жаркую саванну
И жирафёнка с именем Анюта.*

Сергей Данилов, 1980

С ДВАДЦАТОЧКОЙ, ПРИНЦЕССА!

Как хочется забаловать
цветущую строку...
Тебе сегодня — двадцать!
Судьба мне, дураку —
с утра искриться датой
в твоём календаре,
и с ночью непочатой
в своей тужить норе.

Как хочется с печалью —
начать гитарный бой...
Потом, блестя медалью,
быть встреченным тобой.
Потом по Зафевралью
помчат с тобой в поля,
с лазурной слиться далью,
тандемом в ней руля.

Но силы инструмента —
на фронте Шевчука,
он дважды Ю, легенда,
а я... три тчк.
Как хочется заплакать,
сейчас, вот здесь, в углу,
заквасить, и заквасить —
в надежде на стрелу.

Стрелу чужой принцессы,
которой — двадцать лет,

и все велоэкспрессы —
101-ый килобред.

С двадцаточкой, принцесса!
Я выпью. За тебя.
Немножко. Для компресса
на чувство... жития.
С двадцаточкой, Анетта!
Искрю, из уголка.
Будь счастлива! Как эта
цветущая строка.

03.02.2015

НЕЛЕГАЛ

Молчание — золото.
А золото — очень тяжёлый металл.
Сегодня так холодно.
Февраль так богато меня пропитал.

Дышать получается.
Сквозь золото можно и нужно дышать.
Усталость — молчальница
для пепельных гор после пачки стишат.

В сознании согнуто
желание глотку вздохматить в ночи...
Молчание — золото.
Молчи, нелегальный мой прииск, молчи.

ОТ КРЫЛ

Мне много-много лет. И я любил...
И всех, кого любил — когда-то бросил...
Но как бы я тебя, скажи, открыл —
когда б не та надорванная осень?

Когда б не те гулящие лета?
Когда б не тот задор — конечно, глупый?
Не смею отвлекать... Ты занята.
Усну... читая сомкнутые губы.

***

Витиевато выражаясь
(как предпочёл и предпочту) —
ушёл я в минус, умножаясь
на плюсотворную мечту.

И у меня одно осталось:
надежда — каменнее львов —
на недосчитанную малость,
на разделённую любовь...

Но я ужасный математик,
а ты — психолог (лучше всех).
И только сны... мне понимать их
искомой суммой наших вех?

А львы сидят у входа в Числа,
невозмутимы и белы.
Над нами действие зависло,
а им — спокойно... ибо — львы.

НА СИНЕ-БЕЛОМ И ЧЁРНО-ЗВЁЗДНОМ

Устали небо на руках
держать атланты,
ушли, земное обругав,
ушли от мантры,
нашитой наспех там и тут
поверх молитвы.
Они обратно не придут.
Нет, не обидны,
законны — глыбы-облака
на годы фантов.
Но... на твоих уже руках
дела атлантов.
Стоишь, босая, на песке,
и небо держишь,
воссоздавая в лампе свет —
в перегоревшей,
мне показалось, навсегда:
привычно это.
Но почудеснее — звезда
дневного света.
Как много воздуха, воды,
песка... под небом,
и облака тобой горды
на сине-белом.
Кометной ниткой о тебе —
на чёрно-звёздном
строчит идеи кутюрье
для бренда «Космо».

ГАРМОНИЯ СТУЧАЩЕГО ДВИЖКА

Не буду больше нервничать,
не буду больше ёрничать,
не буду больше умничать
по поводу пустот,

каких полно теперича
в глазах грязнух и дворничих,
от Мышкина до Углича —
путём наоборот.

Тебе — моё внимание,
тебе — мои умения,
тебе — моя гармония
стучащего движка.

Ты типа наркомании,
но круче, ох... (с позволения),
ещё потустороннее
для бедного торчка.

Я сильно буду нервничать,
я нервно буду ёрничать
и умничать-безумничать —
едва теряя *на с*.

Куда мне деться, девочка?
Вся жизнь — как этот вторничек.
Читаю руны... рунища
в составе дозы глаз.

ВОЛЬФРАМ

Скажите мне, Анна, хоть слово ещё.
Не надо распахнутых — настежь — дверей.
От Вашей улыбки уже горячо,
от Вашего смайла, так будет верней.

Ужель так и будет? В ладони ответ —
линованным счастьем, неумной судьбой.
В ладони весь мир! А ладони в ней нет
и, стало быть, миру синоним — запой.

Запой же, БГ, разольём без дробей!
Нет, милая Анна, не Вам я, не Вам.
Курсором беру то левой, то правой,
но всюду — построенный Вами фигвам.

А впрочем, какой Вы строитель пока...
Я сам понастроил — свободы, и стен,
никак не допрыгну до кнопки звонка,
условного стука не помня совсем.

Вы слышали шорох. Спросили «кто там?» —
с улыбкой, и я переплавился в ней
из ягоды волка в полезный вольфрам,
условно полезный — так будет верней.

Теперь у фигвама подъезд освещён.
А я и в прихожей бы Вам посветил.
Скажите мне, Анна, хоть слово ещё,
пока меня бомж не сменял на метил.

СУМБУРЁНОК ПО ИМЕНИ ПРИВ

Таким бывает... приворот.
Вполне. Но ты не ворожила,
верней всего — наоборот,
я для тебя — дурак Страшила,
и ты меня отворотить
быстрейшим способом готова.
Хотя уместнее сравнить
меня с героем из другого
произведения... Я Волк,
и я люблю жену Наф-Нафа...
Такой сумбурный рэп-н-ролл.
Такой скелет по центру шкафа.
Такой отвязный таракан
по голове моей гуляет:
я всеми лапами в капкан —
а он по сказкам промышляет,
я по трубе — и в кипятке,
а он стихи в контакте пишет,
всё безнадежней мой видок —
а он геройски мышью движет...
Прости, что я тебя сравнил
с какой-то хрюшкой. Хохма, шутка.
Но я опять поюморил —
а без тебя мне плохо, жутко.
И я обязан привыкать
к плохой и жуткой атмосфере.
Ведь мне тебя не отыскать.
Что остаётся? В сказки верить.
Другое дело, что во мне —
боезапас наивной веры,

а на своей тук-тук-волне —
я таракан для атмосферы.
Усы мои — тоски длинней,
пускай во мне стрела и шило...
Какая бяка (орден ей!)
меня к тебе приворожила?

ОРИГАМИ

Ты река. Ты река Оригами,
ты стихия бумажных фигур
с чуть заметными мне берегами,
на одном я скажу: «Перекур»,

на другом — перестану возиться
и найду там, Бог даст, упокой,
а пока мой небесный возница
рассекает над белой рекой.

Я в карете шурую руками,
даже если трясёт и темно,
Наполняю тебя, Оригами,
что сложил — отправляя в окно.

Я обрезался краем бумаги,
угадай приблизительно — где...
Кровь коснется придуманной влаги,
и в живой растворится воде.

И у каждой волны будет имя —
всежеланное имя, твоё,
а рисунок — не схожий с другими,
многомерно моё забытьё.

Оригами. Сама в это слово
посмотрись: в нём до капельки — ты.
Перекур... И ещё не готово,
но свободные воды — чисты.

АВИА

чтобы связаться с ней
нужно зарегистрироваться
или войти
а у неё колечко на пальце
до неё километры пути
километры
над спальным районом
над пропастью загса
я улетел
с микрофоном гранёным
чтобы связаться

А. Г.

Я хуже зимы — разбирался в цветах,
срывал их небрежно для жён и подруг,
десятки названий по снам раскидав,
с восточным клише: лишь бы пахло от рук.

И думать не думал, что могут цветы
воспеть — на цветочном — свою красоту,
не думал, пока не явилась мне ты,
сквозь чей-то асфальт на каком-то мосту.

«Маню тебя к ласке — маню тільки раз» —
раскрытого имени тайны легки,
а отзвук тяжёлый: «Даю тобі — в глаз!» —
резонно, давай, за былые грехи.

Поломан, потрескан, покрошен асфальт...
И божья коровка ползёт по тебе...
Как долго я спал? Что с того, что я — спал?
Проверил на ощупь: с фингалом теперь.

Тобой оглушён я, тобой поражён,
смотрю в зеркала — там зима и цветы,
каких не срывал для подружек и жён,
какие во сне подарила мне ты.

ПРИВЕТ, Я СКУЧАЮ

Привет, я скучаю.
Такие новости зимнего дня,
который встречаю —
и холодно в кедах... но это фигня.¹

Мой чижик проснулся
и, как полагается, слева звучит,
и я вроде — с пульсом,
и солнце в оконце лучисто молчит.

«Привет, как дела, а?»²
Попсовенько, солнце, однако — твоё.
«Привет, как дела, Ань?» —
пусть лучше вот так твой андроид поёт.

А в общем-то, пофиг.
О текстах — потом. Я с приветом пришёл!
Не пей утром кофе.
Пей чистую воду. Учись хорошо.

Души ведь не чаю.
Зачем все игрушки мои забрала?!
Пока. Я скучаю.
Пока я скучаю — Земля как юла.

¹ «Чиж & Со»

² T-killah

ГАРМОНИЯ

Гармония — она, она сама,
поэтому не надо ей письма
губами на заплаканном окне,
она сама — гармония,

во мне.

Не выдумав ни шанса на ответ,
в шкафу моём рассыпался поэт,
продолжив, бедолага, жить сполна:
молекулами ведает

она...

***

Вы меняли фото в профиле —
и все миры закатастрофили,
они, как эта голова,
температурят и взрыва...

Но не жалеют о развитии,
достигнут пик — они Вас видели!
А Вы склонились к миротрофии —
и меняли фото в профиле.

Вы меняли фото в профиле,
и в белых сливках, в чёрном кофе ли —
родились новые миры
для продолжения Игры.

Игра идёт не по заданию,
и Вы склонились к мирозданию,
для этих строк в Мефаустофиле —
Вы меняли фото в профиле.

ЛЕГКОВЬ...

Так просто сделать пьяный шаг
в трясины, в жуткий бред.
Так сильно хочется дышать
и видеть волю, свет...

В краю болот нетрезвый ход —
он верный, напролом.
Бухал весь век лесник Федот.
Но я не под бухлом.

Я под убийственной красой,
изящной на изгиб.
Взглянул, отпил — и влип косою,
с хвостом, с ушами влип.

Так сложно выбраться назад,
нет силы, нет причин.
Так слабо верится, что ад —
вокруг меня шкворчит.

Скорее, ад оставлен там,
на воле, на свету,
где влаги не было мечтам,
хоть пил я красоту.

Взглянул, не вытерпел, шагнул.
Туда — куда влекло,
и потому душе ко дну
спускаться так легко.

ОСТРОВ

Это не «влюблённость»,
и не та «любовь»,
нет же... это остров,
голый, в океане,
где мальчонкин Хронос
напрявил углов —
из раздумий острых
о девчонке Ане.

Махонький шалашик,
скромный островок
в тихом океане
чокнутой планеты...
До «чужих», до «наших» —
сто и сто дорог,
ноль и семь гаданий,
тщетных, по воде-то.

Это не влюблённость,
не любви куплет,
это волны-плечи
в сговоре с песками,
и мальчонке Хронос
подарил рассвет
из мечтаний вечных
о русалке Ане.

***

Господь играет в баскетбол
моей пустой башкой,
башка послушно бьётся в пол —
расчерченный такой...
Господь играет не один,
с четвёркой ангелков,
а против них — квартет ундин
и Грешная Любовь.

Свисток и свита — в стороне
командуют игрой,
то задремать позволят мне,
то сразу баскетбой.
На всех трибунах — семь людей,
не очень важный матч.
Там нет возлюбленной моей,
хоть радуйся, хоть плачь.

Упал, вскочил, попал в кольцо,
в другое, вновь ничья...
Какое может быть лицо
у старого мяча?
Какая может быть любовь?
О чувствах колобка —
и то печется колобовь,
находится мука.

Но чем же я не колобок?
А тем, что я не хлеб...
Мной каждый день играет Бог —

и той команды кэп.
Ундины жарят ангелков,
а те, в ответ — ундин.
Господь и Грешная Любовь —
ничьи, один в один.

Когда я глухо стукнусь в пол,
сдуваясь и шипя —
судья продолжит баскетбол
моим похожим «я».
Но дайте ж мне тогда вдвойне
мячты и полусна,
в которых кто-то — обо мне
грустит с трибуны «А».

***

В её улыбке и молчании
я разрушаюсь всё отчаянней,
и это лучше эволюции,
когда века и смыслы — куцые.

В её молчании улыбчивом
понятен буду я всё шибче вам,
как если б сути нализаться, мням,
но это — болт цивилизациям!

Её улыбка и молчание —
увы, не вызовут врача ко мне,
и сами вылечат, без вызова,
а эскулапам — тоже — лысого...

Она молчит и улыбается,
а мне туда-сюда летается,
живётся мне — от века к вечному,
как бегунку по шву сердечному.

***

Тряси, тряси меня, тряси, тряси,
тебе не надо ведь бензина,
пока трясётся на крови —
тряси меня, тряси, тряси... рви.

Храни, храни меня, мой Боже,
раз до сих пор не изничтожил,
раз так тепло в сырой тени —
храни, пока не хорони.

Люби, люби меня, малышка,
когда моя тупая книжка
воткнётся в память уголком,
люби, люби меня... потом.

ЗВЕЗДА!!ГОРИ

Планетки по инерции
летят вокруг Звезды.
Она не дарит сердце им —
не смогут унести...
Она их, всё же, балует,
и светом, и теплом,
она века им жалует,
не парясь над числом.

Никто из них не ведаёт
её полночных тайн,
её привычки вредные —
не тема для прайм-тайм.
Но всем, вокруг вертящимся,
довольно и того,
что видно в ней, светящейся —
не важно, от чего.

Среди твоих поклонников
одна планетка — я,
мечтатель с подоконника,
приятель воробья.
Не знаю, как там прочие —
я, как Земля, живой...
И днём, и ближе к ночи я
с тобой, с тобой и твой.

Ко мне Луна всё клеится,
и звёзд я вижу... тьму.
А мне во тьму не верится.

Луна — моя Му-Му.
Планетка по инерции
летит вокруг Звезды...
Гори! Не надо сердца мне,
в моём — и так есть ты.

СКОЛЬКО РАЗ?

Сколько раз я впишу эту правду: «краса», «красота», «ты красуня», «красивая» — в многотомник практических тем, в небеса, копошась на земле со штативами?

Сколько раз я солгу на предмет облаков — дескать, лёгкие? Нет же, тяжёлые...
Сколько раз я пополню войска дураков, отчисляясь научными школами?

Сколько раз проведу параллель дурака — к тонкой линии солнечной вечности и, кляня благодарно графин кабака, излохмачусь о дно этой нечисти?

Ты представь себе небо. И нет облаков, нет ни солнца, ни дальше — созвездия... Уползёт из-под ног и земля дураков.
Не ругай меня, юная бестия.

Не ругай, что принёс многотомник тебе со стекляшками, с крошкой графинною.
Я не так безнадежен, в строке, и в стекле, если горы встают — над равниною.

***

Мои успехи глобалистов раздражают.
Мои провалы — в общей норме — незаметны.
Твой город спит, когда мне что-то угрожает.
Он — контролёр, когда живу я без билета.

Мои дороги к урожаям неизвестны.
А тупики — в прицелах спутниковых камер.
Твой город вырубил мои деревья-песни
и бросил краном в огород мне глыбу-камень.

Мои ответные ходы... нет, их не будет.
Пока не будет. Лишь бы ты была спокойна.
Всё остальное городской равно простуде,
которой морсы — отгружают, и достойно.

А что меня порой особенно ласкает —
так это знание твоих горячих клавиш:
моя студенточка душой — не городская...
Ты, может быть, когда-нибудь оттуда свалишь.

Я погулял по городам. Не понаслышке
знаком с недоброй суетой промеж бетона.
Держись, малыш... Тебе привет от сельской мышки —
с кошачьей ловкостью, вне общего закона!

МММУТАНТ

Иногда я готовлю сейтан —
и названия новым цветам,
да такие, что сам не упомяну,
проще сотню сверхновых назвать...

Иногда я оладьи пеку —
и надежды, в их первом соку,
и тогда (иногда) — не огромна
неудач копыеносная рать.

Иногда я шинкую салат —
равнодушно, как Понтий Пилат,
иногда — как довольный ребенок
и, возможно (возможно), как ты...

Вот. Примерно такие дела.
Кулинарный талант я, мутант
в поле супер-еды из картонок,
где обычные вянут цветы.

СУМКА

Что ты раскрылась, дорожная сумка?
Некуда ехать. Я встал — чтобы лечь.
Сумка, мы стёртые части рисунка.
Там — щит и меч. Или щит. Или меч.

Как тебе нравится эта диада
с неким подобием смысла — в щите?
Вот и меня на рисунке не надо.
Техника чуждая. Краски не те.

Можно поехать к родным и неблизким —
чтобы услышать, что я дезертир.
Можно к соратникам в области виски —
если нарыть номера их квартир.

Можно найти партизанских подружек,
пару составов пустить под откос.
Но... Буратино, бегущий от пушек —
должен беречь от винтовок свой нос.

Я проиграл все возможные войны.
В мире — осталась одна буква «А».
Те, кто за ней — хороши и спокойны.
Пусть на корню задохнётся война.

Раз неминуемо есть в алфавите
острая «М» и широкая «Щ» —
букровку «А» пусть никто не обидит,
пусть ей хватает щита и меча.

Стой, где стоитя, дорожная сумка.
Стой, мы не едем. Ты лучше поспи.
Я разделю с тобой сны недоумка.
Там топоры — за любовь, за Нарспи.

Как тебе нравится эта идея
с неким подобием смысла — в борьбе?
Некуда ехать. Мне вспомнить бы — где я.
Стой, сумка. Стой, как стоитя тебе.

***

Светилу не нужно ответных лучей.
Но, судя по тени — я разве ничей?
У тени мой контур и — небо тепла,
какой бы холодной она не была.

Ночь ночи не просит, ни в дар, ни взаимы,
но выйду я в ночь — и получится «мы»,
никто не увидит меня под крылом,
а мы будем рядом... тогда, и потом.

Потом — это утро, потом — это день,
озябшее небо, и тёплая тень,
за вечером полночь... и тайна крыла,
какой бы крошечной она не была.

ВЗГЛЯД МЕЧТЫ

Если новости — хлам,
если некуда жить,
и мечты не болят,
словно сам отболел —

то со мной пополам
делит яркую нить
твой пронзительный взгляд
через фотоприцел.

Ты смотри так всегда,
ты смотри так на всех,
ты смотри так на всё,
ты смотри — и пронзай,

и любая мечта —
задрожит, заболит,
заскулит, заснёт...
Доживёт до конца.

Н. А. С.

Я валяюсь. О, нет, не в грязи... На апрельском снегу!
И прикручен в моём рукаве к трём семёркам цигун.
Интересно, надолго ль?
«Я валяюсь» — ведь так говорят, если дико смешно.
Значит, мне с тобой дико смешно. Ты мне делаешь «...но».
Где-то книги над полкой
суетятся, как птицы, готовы лететь и спасать.
Но они — в переплётах и сами, чего им сказать,
на места возвращая?
Если дымное зеркало неба умеренно врёт —
мне твоя полагается ласка, а минимум — лёд.
Посылаю врача я...
Что поделаты, никто не пришлёт. Всем спасибо, я сам.
Чудодейственна снежная грязь и приятна глазам.
Неприятна ладоням.
Из подъезда вдруг выпал сто лет незнакомый сосед,
не заметив меня — а меня и по факту здесь нет.
Но зато молодой я.
Если паспорт влиял бы на скорость моей седины —
все счета уже были бы к этому дню сведены.
Я не помню, где паспорт.
Я валяюсь. О, нет, не в грязи... На апрельском снегу!
И ползёт в рукаве по резьбе против часа цигун.
Продолжается сказка.

А

Продайте мне жилплощадь — без единого окна,
и можете забить снаружи дверь, когда войду,
Внутри оставьте бочку полугадкого вина —
мне нужно потреблятьблять хоть какую-то байду..

Из мебели не надо, кроме бочки, ничего,
Оставьте голый холод, заберите свой химпром.
Не надо электричества — без лампы ярче Бо
левы'е ощущения от стука под ребром.

Без лампы мне заглавной озорная буква А,
которая для вас — лишь алфавитный персонал.
Она же горизонт... Она же неба синева!
И я за ней рванул, и в синеву себя загнал.

В гробу мне тесновато и, опять же, не попить,
пошире бы метраж, но — без единого окна,
с одной дубовой дверью, чтобы вам закрыть-забить,
и с бочкой, полной бочкой полусладкого вина.

Нет буквы в алфавитной иерархии главней,
она печати ставит под «всегдА» и «никогдА».
Мне важно засыпать — метаясь, думая о ней,
когда совсем усну — переселяйте хоть куда.

***

Художник всю ночь не спит, разбивает о гамму спектр...
И так на пустом холсте появляется белый свет.
Художник весь белый день продолжает свой чёрный труд —
отличный от чёрных дел и, как правило, чёрных пут.

Художник — за гранью штор, в ареале трёхглавых лет.
На рыхлом зыбучем песке появляется новый след.
И можно пойти след-в-след, осторожно, как ходит тень.
Художник рисует снег — и одетых тепло детей.

Художник всегда один... В серой дымке трёх главных мечт.
Ты вправе найти его дом, и под кисть его лечь.
Он будет с тобою ласков, как с мокрым телёнком — мать...
Но у мастера нет молока и понятия «просто спать».

Художник всю ночь не спит, разбивает о гамму спектр...
И так на пустом холсте появляется белый свет.
Художник весь белый день продолжает свой чёрный труд —
отличный от важных дел и, как правило, нужных пут.

ОТ ВЕЧНОГО

Я работаю от вечного двигателя.
Над которым кипят умы до седьмого пота.
Элементарно. Мне нужно видеть тебя.
На себе. На горизонте. На фото.

Почти без разницы — при каком освещении:
твоём или также — солнечном, ламповом...
Ничто в этом лёгком решении
не связано с тайным клапаном.

Мне нужно видеть тебя. Жить и ждать тебя,
почти без разницы — с каким результатом.
Иногда силой вечного шпателя
обновляя в молекуле атом.

Нормально. Как ещё одно четверостишие.
Как жизнь о тебе — после мига с тобой.
Как можно стереть себя там, где ты снишься?
Вечному ластик — вечный отбой.

ПО РЁБРЫШКАМ

Будучи потерянным для общества —
я и не почувствую беду,
ибо нет глазастей одиночества,
стало быть — найдёт, не пропаду.

Это если будет одиночество
ближе — в тот момент, когда назад
по дороге выдвинется общество,
как сороконогий динозавр.

Я боюсь гиганта близорукого...
Где ты, одиночество моё,
ты ли мне по рёбрышкам постукало
зорким равнодушием Её?

МНЕ БЫЛ НУЖЕН ЕДИНСТВЕННЫЙ КАДР...

по всему — до конца шевелить мне губами,
режиссируя снятый фильм...
рупор — хуже, чем кляп... и меня вырубает...
титров нет... что, ещё не конец?..

это я» должен знать? да идите вы бором...
мне был нужен единственный кадр...
остальной киноленточный червь будет порван...
фильмы сняты... все — в кинотеатр...

я уже переснял, что хотел... вырубает...
переснял... получилась Она...
по всему — до конца шевелить мне губами...
в небе Спонсор... площадка полна...

ЛЕКСИКА

Смешная субстанция — Лексика.
В ней люди, понятные всем —
страдают, и слушают Лепсика,
когда не хватает С.М.

А люди, понятные Кинчеву,
держа на ладонях огонь —
поют, и уходят в опричнину,
попробуй кто Родину тронь!

А люди, понятные пустоши —
макают себя в майонез.
Ну как ещё скажешь? Ну вкусно же!
Им — кайф не ломай, и не лезь.

А ты, даже небом не понятый —
дополз до задачи летать,
и тискаешь угли в ладонях ты,
а пропасть — даёт пострадать.

И светит курмышская девочка
в немой, до уныния, мрак,
мешать ей — космически мелочно,
молчать о ней — тоже никак.

Забавно, как фокусы Мессинга
на тему небесных кровей...
Смешная субстанция — Лексика
летит по вселенной твоей.

***

И пришёл я к тебе...
И уйду я — к тебе...

Эти фразы круты — и слабы.
Как возможности разных структурных «о.б.» —
запечатать свободу в гробы.

Положить меня в землю — рабочий момент,
положить Землю в кассу — облом.
Лес важней, чем бумажной страны президент,
лес — живёт... Не баблом, а добром.

И от зависти — лес переводят на трон,
и опять рассыхается трон,
потому что с рождения — каждый нейтрон
любит жить... Не баблом, а добром.

Полномочно бессилие — Землю взорвать,
как меня — утопить, без кругов,
но попробуют пусть завалить на кровать
не последнюю... «ять», а Любовь.

И ушёл я к тебе...
И приду я — к тебе...

Эта тяга сильнее меня.
Как возможности разных «о.б.о.п.г.»
вылить душу — с помоями дня.

ЦИНИК, MADE IN РУСЬ

Циник-циник... Хочешь дынек?
Пару дынек спелых – в дар?
Сразу ты настроил, циник,
свой подтекстовый радар...

Циник-циник... Хочешь синих
упоительных небес?
Да закрой бутылку, циник,
под столом пустых – пипец...

Циник-циник... Печка стынет.
У тебя. И у меня.
И никто дровец не кинет.
Жрать охота. Дай ремня!

Не того. Не садо-мазо.
Не-ет... Я к девочке тянусь.
О которую сломался
мой радар. Он – made in Русь...

Циник-циник... Брось мне дынек
с неба. Или ремешок.
Затяну – и голод сгинет,
эко станет хорошо!

СО СПИЧЕЧНЫМ СВЕТОМ

«Поэт, собирающий залы...»
Разведать бы: «залы» — зачем?
Наверное — там — написал он
такое, что стал Высоченн?..

«Певец покори́л стадионы...»
Он что — и певец, и спортсмен,
не глядя, берет бастионы
готовых к любви ойкумен?

«Всемирно известный художник...»
А что не приставка «все-все»?
Он что, нигилист и безбожник?
А как же миры в космосе»?

«Министром целованный скульптор...»
Себя-то — успел изваять?
А то управление с пульта
живым — не дает постоять.

«Актриса не сходит со стендов...»
Не сходит. Худеет. Беда.
Вопрос: для каких дивидендов
актриса полезла туда?

Не знаю... Насколько я вижу,
толпа — разрушитель пути...
Топтать эту сладкую жижу
не значит — куда-то идти.

Поэт, собирающий залы —
давай, собирай, запирай.
Людей, скотобойни, вокзалы —
всё, кроме тропы, забирай.

Оставь одинокую тропку
без битых пустот, без бычков...
А выше — мою мизантропку
со спичечным светом зрачков.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ УТРО

«...но я хочу быть с тобой»

Илья Кормильцев

Я полил суетело технической тёплой водой.
Я увидел себя отражённым в куске полотенца.
И готов жить ещё один день. Я хочу быть с тобой.
Назидатель Со-Дом приказал минимально одеться.

Я с тобой. На крутящемся шаре. С тобой! На одном!
Это больше, чем утро в одной из фабричных постелей.
У меня приоткрыто окно: ты всегда за окном.
У меня между рёбер проём для тебя в суетеле...

Мы с тобой неразлучны — с момента создания нас.
Мы придуманы раньше людей и понятия «паспорт».
Я был кактусом в загсе, и ты там была с кем-то раз.
Не порвёт перевозданных колец ни одна копияста.

А не веришь — не верь. Это больше, чем сказка и быль.
Это чувство, с которым летит поцарапанный шарик.
Если кто-то тебе шпингалет на окне открепил —
ты случайно задумайся — кто, не родная душа ли?

Я умыл наши души — не лучшей, но тёплой водой.
Прикоснулся к тебе уголком твоего полотенца.
И готов жить ещё один день. Я хочу быть с тобой.
Нам пора в институт. Надо срочно прилично одеться.

***

Наверное, ты думаешь: «Не очень-то он тянется — раз где-то чем-то тешится, раз в личку не скулит». Наверное, ты думаешь... А я? Раз, два — и пьяница. Тобой, палящей, высушен, и дрожьдиком облит.

А можно ближе к истине, тогда в твоих владениях — лисёнок пришлый, бешеный... не первый, не второй, но встреченный в случайности, вдали от совпадения, и нет закономерности, и всё, и с глаз долой.

Упало мало дождика. Ты в каждом шаге, шорохе. Спасаясь, чем-то тешусь я. А в личку не суюсь. Сную по жаркой местности, за солнечными шторками... Лижу остатки лужные... И падаю... И пусть.

ГРОЗОВОЙ АМЕТИСТ

Сегодня ты в синих одеждах
с оттенками туч грозовых.
И я попытаюсь, конечно,
спасти себя в горах золы.

Как будто укроет от молний
последний убогий шалаш,
но ты не простишь и того мне,
что он — архисказочно наш.

Сегодня ты майская грозка,
идущая мимо... и сквозь.
Ударь меня, громко и хлётко,
ещё — для контроля — и брось.

Какие пьянящие грани,
какой... Грозовой Аметист!
И молния в джинсовой ткани
летит архисказочно вниз.

Какой поднимается ветер,
какой начинается дождь!
Ты серые горы развеешь.
Ты синие реки начнёшь.

Ты синие реки расстелишь,
ты серые горы свернёшь...

***

Твоя подруга размещает ваше селфи —
в твоём аккаунте, сюрпрайзом на стене,
и не подумает, что в некоем красном сейфе
воспламеняется измятый абстинент.

Твоя подруга размещает ваше селфи,
и хлещет соком, фото-соком твой налив...
Я пью удачу. Из чужого Кубка Стэнли,
ни на мгновение на лёд не выходя.

Твоя подруга размещает ваше селфи...
Так трезво-язвенно спокоен интернет.
А я так пьян. Мой кабыздох не терпит цепки,
как видно, цепок подходящих больше нет.

Твоя подруга размещает ваше селфи,
и я подругу — тоже вижу... через день.
Я благодарен ей. Руладу нараспев ей —
насколько может пьяный соком свиристель.

Твоя подруга разместила ваше селфи —
в твоём аккаунте, сюрпрайзом на стене,
и не подумала, что в некоем красном сейфе
сегодня в дым опять — вчерашний абстинент.

HD

Я попал в тридцать пятый хот-дог
дружелюбно зелёной сосиской,
полежал, получил микроволн —
и ушёл, за полтинник, в окно.

Мнёт меня покупатель, едок,
человек нехороший, редиска,
золотой человек, богомол,
человек ли... Не всё ли равно?

Мнёт и ест меня, жадно, давясь,
запивая коричневым ядом,
я глазею из плена руки
бренно-тёплым остатком — на жизнь.

И гадаю, какая же связь
между мной и подвижной Наядой,
нарисованной кем-то таким,
у кого — есть блаженная кисть.

А точнее — баллонный запас.
Это граффити, арт на заборе...
Нарисовано так, что опять
подогрелся я в тесной руке.

Так нельзя рисовать на заказ.
Так рисуют солёное море,
чтобы взглядом его не объять,
на штрихованном стоя песке.

Я попал в тридцать пятый хот-год,
и уже основательно съеден.
Если будет сосиска и спрос —
подогреется тридцать шестой.

И Наяды волнующий ход
на секунды мне станет заметен.
Я хочу. Я готов. Не вопрос.
Был бы кетчуп — не очень густой.

***

Камуфляжные листья
исковерканных крон...
Как хотел разрастись я!
Как я падал на кон...

Тузоликие власти
шестерёнчатых душ
славят разницу в масти
рупорками кликуш.

Я иду себе, лесом,
я расту себе, вверх.
Стратегически срезан.
Рукотворно померк.

Камуфляжные листья
исковерканных крон...
Хоть бунтуй, хоть окстись я,
всюду — шулерский фон.

Я уйду себе, лесом,
полузрячий, слепой,
к облакам ли белесым,
или в землю щепой.

Мироздание счистит,
растворит камуфляж,
или смерть или жизнь мне,
но не блеф и кураж.

Те, кто выискал цели —
расстреляют себя,
пусть им гильзы постелит
ржавым слоем земля.

...Ты ни с кем не мухлюешь
в бойне карточных вер.
И, поскольку ты Любишь,
то иди себе — вверх.

НИЧЕГО ИЛИ ВСЁ

«Ничего такого. Чёлка да хвостик» —
я внушил себе, но вновь опьянели
голова моей хозяйка-гости,
всевозможные — с тобой — параллели.

К тёмной кофточке сиянием брошки
подлетел и дремлет маленький ангел,
поправляющий по жизни дорожки,
словно ленты пулемётные — Анке.

Джинсы были бы обычными, если б
не кармашек боковой, полный цветом,
самым важным из цветов, поднебесным,
новый день покажет — много ли в этом.

А на сумочке сердечки, как звёзды,
по всему — к моим ночам запасные...
То-то пишет мне риторика тосты,
но рисую по наитию сны я.

По дорожке — цок да цок — босоножки,
иногда — поверх асфальтовой планки,
то над лужами, с прыгучестью кошки,
то когда несёт над городом ангел.

За спиной твоей ветвится берёзка,
и она с тобой — в одной параллели,
Так идёт сегодня крона-причёска
многочисленных берёз — королеве.

«Ничего такого. Чёлка да хвостик» —
я свободы от нужды в алкоголе
тем же разумом ищу в каждом тосте.
«Ничего такого». Всё... всё такое!

ТЕБЕ

Тебе каких-то двадцать... двадцать лет!
А ты умеешь молча дать ответ
на каждый мой мучительный вопрос,
и каждый твой ответ блаженно прост.

Тебе каких-то двадцать... Я не знал,
что может уступить моя весна
твоей обворожительной зиме,
зиме — уже бессрочной на земле.

Тебе каких... каких тебе словес
и действий, составляющих замес?
Я так или иначе — годный хлеб.
Тебе всего лишь двадцать полных лет.

Тебе... на исключительный вопрос
ответа не найти, в тепле волос —
подснежно-исключительный ответ,
увы, меня и в маске хлебной нет.

ВОЛЧИЙ ЗАДОР

Неуютно мне с людьми, неуютно.
Так и людям — неудобно со мной.
Я не вижу их пути, абсолютно,
а для них он тыщу лет — основной.

Я воспитан между них, я воспитан,
и немало помню вежливых слов,
а внутри меня — посуда разбита,
и раскромсано об лодку весло.

Мало близких у меня, мало близких —
окаймляющих собой горизонт.
Между ними — разных форм обелиски,
бьёт себя, как повелось, гарнизон.

Ты родилась, наяву, ты родилась.
Ты идёшь по основному пути,
априори — за слепую активность,
и тебе почти уютно с людьми...

Почему же ты во снах, почему же
вместо воздуха, взамен питания?
Ни любовником, ни другом, ни мужем
я не стану, дальше снов, для тебя.

Почему же ты во снах, почему же?
До смешного актуальный повтор.
И любовь смеётся в заячьи уши:
«Чтобы ты спросил, мой волчий задор!»

***

если я разобьюсь
то уже всесторонне
на изъязую жизнь
и не вставят второй мне

в пух и прах
в ух и ах
в бух и крах
в шлюх и трах
в плюх и жах
в мух и швах
в дух и птах
в пух и прах

а пока ты со мной
я значительно собран
только нет головы
и бочишко разодран

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Смотри, как точно всё отображает
глазастый, молодой ещё Пикассо:
ты шустренькая девочка на шаре,
а я — на неподвижном кубе жлоб.
Нас мягая равнина окружает,
где лошадь научилась не брыкаться,
где пёс едва за тёткой поспешает,
с дитём идущей в будущее, в шоп.

Твой шарик — он и мой, возможно, тоже,
мы всё же из одной весёлой труппы,
но мы с тобой отчётливо не схожи:
ни возрастом, ни мыслями... ничем.
Мой стимул к тренировкам уничтожен,
для цирка — я ленивый стал и глупый,
а ты решай мельканьем гибких ножек
десятки тренировочных проблем.

Мне рядышком с тобой не разместиться,
и я к тебе не лезу, не мешаю,
снарядик должен двигаться, крутиться,
пока твои года — как пластилин.
А мне уже не страшно разлепиться,
на кубике сижу... не приглашаю,
хотя на нём свободно мне сидится,
хотя на угол тряпку постелил...

На фоне мягкой, выжженной равнины
ты, маленькая девочка на шаре —
явление, достойное картины.

Написана такая. Поглазей!
Сейчас на это нет большой причины,
и в будущем возможна — небольшая,
но, если что, прописка у картины —
Москва, Волхонка, Пушкинский музей.

БГОЛЛИВУД

Я в этой жизни кайф овал на всю катушку
и так же сильно горевал — горел, дымил,
то за весну короновал, то за веснушку —
смешных мальвин и многоопытных тортилл.

Седых мальвин и начинающих тортиллоков...
Которых помню поименно. Ну, почти.
Грубил ничтожеству начищенных ботинок
и уважал богему пыльного пути.

Я в этой жизни предавал, и предан буду,
как предан был, и как предам ещё не раз,
я не похож ни на Христа, ни на Иуду,
не Буратино я, не дядька Карабас.

Не папа Карло, и не друг его Джузеппе,
не Арлекин и не Пьеро, не кот-хитрец,
не Дуремар я, но отдельные сюжеты
сложились в полный героический... набор.

Каких я только не тупил костями граней,
и побывал за каждой гранью. Ну, почти.
Недоставало мазохисту испытаний,
в упадке сил — стоял вопрос: куда ползти?

Архивный, в общем-то, потасканный сценарий,
ретроспективное бюджетное кино,
так миллионы — кайфовали и стенали,
красиво, средне, хуже среднего, дрянно.

Но то, что в жизни прошлой осенью случилось —
взорвало стены киностудии моей.

Ты, террористка, где такому научилась?
Я ж Голливуд и Болливуд, Я Лос-Бомбей!

Ты перспективная моя кинокартинка,
ты и Мальвина, и Тортилла для меня,
все очаги мне показавшая Тротилка,
деепричастие одно воспламеня.

Улётным кайфом оборвало мне катушку,
и прогорел я до золы, как никогда,
короновав тебя, бандитку-хохотушку,
на календарные и прочие года.

И только раз тебя предам — когда я гикну,
когда на год зола расстанется с душой.
Но не остыну я к тебе и не привыкну,
моя камео... из истории чужой.

ГОД НАОБОРОТ

У природы — июнь, у соседа — мигрень,
у Галанина — новый альбом...
Я весь май пил дешёвую тёплую хрень.
А в апреле пил виски со льдом.

А до этого — я прижимался к тебе
всей душой на февральском снегу.
Март остался в какой-то немой ворожке,
я и вспомнить его не могу.

В январе я уехал с окраин тайги,
хоть и выискал там новый год.
В ноябре меня сжили со света враги,
а друзья извлекли из болот.

В октябре я украл у вселенной звезду.
..И согрел тобой левый карман,
потому выжил в зиму, и видел весну,
потому обломал гопсурман.

В сентябре я прощался с родным чуваком,
он теперь ближе к солнцу живёт,
мы не виделись часто, но дело в другом,
если виделись — жили на взлёт.

Ну а месяцем ранее пел я: «Свети!» —
симпатичной бумажной звезде,
и она мне светила всю осень почти,
виноват я в сгоревшем листе.

А до этого я тосковал о тебе,
по-июльски укутанный в пух,
и до звёздочек он — закружил в суете,
вот и выбрал не ту я из двух.

Год назад я другое в июне писал,
но писал, как сегодня пишу,
и, наверное, так же смотрю в небеса,
и простить за ошибки прошу.

Например, у Галанина новый альбом —
вышел в мае. А ты... не со мной.
Ну и что? Разве это летальный облом,
если я — безошибочно твой?

ТРИ-ПЯТНАДЦАТЬ!

РОМАНС

О дева, чудный вечер, согласитесь!
Лишь мне сегодня тошно — я один.
Вы так юны, смеётесь, веселитесь,
я ж будто пыль стареющих картин...

Я молодость, как золото, растратил,
теперь я и друзьям старинным чужд.
А сколько я красавиц опанкратил!
Но нынче у любой — любимый муж.

Могу ли я рассчитывать на Вас?
Могу ли я рассчитывать на... квас?
Могу ли я рассчитывать на простыни атласные?
А впрочем, я приемлю и палас.

О дева, чудный вечер, согласитесь!
Лишь мне сегодня тошно — я один.
Вы так юны, к чему-то Вы стремитесь,
я стар, я неухожен, нелюдим.

Я молодость и золото растратил.
Могло ли быть иначе? МОЖЕТ быть!
Ведь сколько бы я в жизни не нагадил,
я всё ещё способен полюбить.

Могу ли я рассчитывать на Вас?
Могу ли я рассчитывать на джаз?

Могу ли я рассчитывать на простыни атласные
И честный взор влюблённых серых глаз?

О дева, чудный вечер, согласитесь!
Лишь мне сегодня тошно — я один.
И Вы — минута, две — Вы удалитесь,
чихнув на пыль стареющих картин.

И молодость, и золото растратил,
так кто ж со мною ляжет на палас,
иль вспомнит ласку джаза? Да, некстати,
могу ли я рассчитывать на Вас?

2003

ПОСТ-РОМАНС

Да я — пророк... Совсем чуток
о цвете глаз тогда изрёк —
не то, совсем чуток — не то,
а в остальном был прав, на сто.

И беден я, и нелюдим,
и шепчет молодость: «Уйди»,
и в стороне — мои друзья,
и в музах пройденных — мужья,
и сном почищен мой палас...

А я надеждой жив... На Вас.
Лишь образ Ваш — голубоглаз.

Умел я много лет назад
гитаре спящей рассказать
о том, что станет со мной,
пускай — с неточностью одной.
Нет, никакой не дальтонизм...
Был далеко, ошибся. Please,
простите Вы, хоть Вы меня,
меня и так — во мне — винят.
И фотоснимки Ваши есть,
где нелегко цвета прочесть...

Но я пророк. Ровны углы:
Вы так юны и веселы!
Я отразил сие не раз
в недавнем сборничке для Вас,

который Вам на двадцать лет
подарен был, а может — нет.

Я книгу бросил в облака,
увидев сани ямщика,
и доискаться Вас велел,
кивал ямщик, душою бел...

О дева... Квас уже утих,
гитара спит, и мой мотив,
как пенка с джаза, улетел,
и я увериться успел,

что время — мой презлейший враг,
что кончен вечер, вечен мрак,
что ямщикам работать — лень.

Но... согласитесь... чудный... день!

2015

***

Храни меня Бог от наживы и славы,
от бешеной тли, в ипостасях любых.
Не дай посетить казначейства и залы
во славу раскатанной мокрой губы.

Толкал меня бес в огороженный б-изн-ес,
который он сам стережёт с двух сторон.
Но в б-изн-есе — три только буквы из жизни —
сомнительный трюк. Недовес. Лохотрон.

Добавил мне бес иллюзорного блеска —
и стал я приятней на вид... в канаве,
как та — аппетитных частей поэтесска,
которой поэзия — бизнес, ИП.

Но я не ИП — я ИВ, для начала,
а дальше — мой сквер, мой раскидистый нрав,
и там, где ипэшка доход замолчала —
я выставлю корни деревьев и трав.

Останется город без трав и деревьев —
и выйдут из бизнеса, пуча глаза,
все важные люди, от первых до третьих,
не важные — тоже, топча образа.

Я клал на устои — альпийскою галкой,
гостящей на ветке. Жалею, попал.
На каменный лоб — удобрения жалко,
но я и на почву себе накропал.

Останусь без города, денег и славы —
и, мама родимая, сделаю вдох,
смотря на мои казначейства и залы —
деревья и травы... Храни меня Бог...

АНЬКАГОЛИК

Я Аннанимный Анькаголик.
На конференции коллег —
я тот, кто спрятался под столик,
целуя фляжку-оберег.

Обычно это фляжка-фотка,
и не палёный там коньяк,
не омерзительная водка —
там Анька, ждущая меня.

Я колко, остро понимаю:
всё можно бросить, всё и всех.
Конечно, можно. Но не Аню.
Как можно бросить плач и смех?

Я пью — смеюсь, я пью — и хнычу,
я это я, когда я пью,
когда не пью — хандрю и бычу.
Нет... Я не Анну — не люблю!

Моя изношенная печень
стучит устало... в левый бок,
и мне на стук ответить нечем,
но — есть вторая, видит Бог.

Вторая справа и пониже —
не на гарантии, но есть,
и та — брала такие жижи,
что чувство чистое обрести —

ей вроде пенсии... с надбавкой.
Надбавкой — можно и винца
с горяфей грефневою кафкой,
ну и омара-мудреца.

Омара, кстати, для беседы,
а не в наваристый бульон.
Я чту этичные обеды,
гуманной Анной вдохновлён.

Желанной Анной... Для которой
я жалкий капельный момент,
как все мои коллеги — хворый,
во снах орущий элемент.

Но пусть она — превыше воли,
пусть я от пьяных снов рехнусь —
я Аннанимный Анькаголик,
и мне сиренево, клянусь!

На конференции, для вида,
я трезвый облик нацеплю,
а сам — под стол, как Атлантида,
ведь я не Анну — не люблю.

И засмеюсь я, и захнычу,
и конференцию сорву...
Остановлюсь. И зафурычу!
И пусть уже не наяву.

ВЛАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Увлажнение мочки питает соски —
у прелюдии связи свои.
Ты красива... Красиво взрываешь мозги.
И красиво — задача стоит.

А решение — в тайной твоей темноте,
надо факел ей в тайну воткнуть,
покорить этот лучший из лучших путей,
подарить и принять этот путь.

Факел густо и цельно пропитан тобой,
тайна сочно промазана мной,
в темноте будет скользко от влаги такой,
но в ладу теснота с темнотой.

В темноте — не в обиде! И, кажется, мы
совершенствуем речи веков.
До веков дела нет, отключились умы
от размытых часов-пустяков.

И звучат по натянутой коже хлопки —
как ударные партии гроз,
мы играем, на белом, в четыре руки
сумацветную музыку поз.

Этот путь бесконечный, челночный, и вот,
можно факел опять переткнуть,
ты доверилась мне, ты легла на живот,
светло-тайный продолжил я путь.

По тебе хлестанул перламутровый дождь —
перламутровой стала и ты,
и, меня покоряя, сквозь душу идёшь,
как я шёл — в тесноту темноты.

И утихла над белой планетой гроза,
и остались от грома — стихи...
Ты красива. Красиво подвигла сказать
и... рекой потекла. Да, теки!

...Это было во сне, всё привиделось мне,
но у жизни — причуды свои,
больше правды, чем в этом решебнике-сне —
только там, где задача стоит.

ПОДКОЖНЫЕ СЛЁЗЫ

Я уже предлагал вам козу пасти —
бескорыстно, забыв про удой?
Тот, кто вытерпит все мои глупости,
станет умным, богатым Балдой.

Неужели я должен стакан нести,
принеся вам бутылку красоты?
Тот, кто вытерпит все мои странности —
уберёт с мелководья мосты.

Я уже доставал из подкожности
рифму «Кройф» для футбола любви?
Тот, кто вытерпит все мои сложности,
ни за что не пойдёт в холуи.

Неужели у вас рок-н-ролл гостил
под причёской а-ля Дан Балан?
Тот, кто вытерпит все мои колкости,
закопает в Луну свой талант.

Я уже пропадал где-то в области,
обещая — четвёртого быть?
Тот, кто вытерпит все мои подлости,
тот узнает о слове «простить».

Неужели и вам, к теплолюбости,
прилагали такие слова?
Тот, кто вытерпит все мои грубости,
станет грубым, как линия шва.

В общем, тот, кто меня как-то вытерпит —
будет жить, на проблемы плюя,
если небо из гряд нас не выдернет,
если всё это — вытерплю я.

Нестерпимо хочу это вытерпеть,
и терплю, от светла до темна,
я и слёзы подкожные вытер бы,
если всё это стерпит — она.

НА ГРАНИ

Лучше каплей жить — на грани,
чем водой в закрытом кране,
лучше с камня испариться,
чем стоять и засориться.

Ты подобна аметисту.
Я на твой гранёный выступ
каплей пал дождя грибного —
без примет, очередного...

Побежать бы мне по гранкам,
рассказать, что был я Гангом,
рассказать, как стану Индом...
Но меня тебе не видно.

Но меня тебе не слышно,
так устроено, так вышло,
так тому и быть, пожалуй.
Я ничтожный. И не ржавый.

Мне с тобой темно и ярко,
мне с тобой, прохладной, жарко,
мне с тобой все чувства снятся!
Мне с тобой нельзя остаться.

А вокруг меня другие —
капли чистые, лихие,
по крупнее и почище
дуралеи и дурищи.

Смотришь ты на синий камень,
так устроено... богами —
в треть одну устройства Бога,
где и капле можно много.

завтра я — типичный, тусклый —
расскажу реке якутской,
на тебя похожей Яне,
как вчера я жил — на грани...

МНЕ НРАВИТСЯ

«Я знаю сам, зачем иду по земле...»

Константин Кинчев

«Мне нравится, что вы больны не мной...»

Марина Цветаева

Мне нравится ломать стереотипы –
я пестую идею и процесс,
и в этом нет моей прерогативы,
но кто мне запретит? The Bad? The Best?

А может быть, хозяин середины,
отборный, козырной, высокий чин,
с которым все умы и все кретины
по рангу делят волю и харчи?

Пусть мечут харч. Я сам себе хозяин,
без гимна, флага, армии... еды,
смешной ублюдок, в технике Масяни,
однако же – с озвучкой Джигурды.

Я сам себе хозяин стройной башни,
снесённой – до подвального окна,
день завтрашний, сегодняшний, вчерашний –
мой кайф от самодельного вина.

Насколько я могу судить по шрамам –
похмелье, мягко скажем, кайф иной,
и как бы тень единая ни шла нам –
мне нравится, что Вы больны не мной...

ТЯЖЕЛО И ЛЕГКО

Ты... первая, заглавная строка,
Я... льну к тебе, хотя и не заглавный,
Жестянка-жизнь — условно высока,
Ей побоку расклад мой своенравный,
Любовь — не обижается внизу,
Она свои права прекрасно знает,

И вот, презрев турнирную бузу,

Любовь Вершину-8 занимает!
Ей нравится игривый мой расклад,
Где ты, она и я — победным трио
К Виктории отправили посла,
Он спросит: можно ль жить — вот так, игриво?..

УЖЕ

Тихо плывут ужи
верхом спокойной речки...
В сонное дно души
ткнулся мой путь к тебе.
Будешь скучать — пиши
фразы-круги-колечки,
или в себе держи,
в сочном своём тепле.
Нет никакого дна —
видимость вязкой толщи,
ниже опять видна
та же река... река...

Ты мне и там дана
ягодой яркой, волчьей,
ты мне и там — нужна,
нет никакого дна.
Тихо плывут ужи,
в темпе бывалой пары,
к берегу смолкших уст,
к берегу талых фраз.
Любит ужей глушить
время, но, ёлы-палы,
эти-то — с ядом чувств,
эти-то — ищут нас...

СЕЙЧАС И ЗДЕСЬ

Моя копилочка чудес —
полна, наверное, на четверть.
Бодрит меня копилки вес,
как говорится — чем богат...

Я кутал в снег осенний лес,
когда сжигали зиму черти,
а снегом брал — страницы пьес,
ведь я зиме — писака-брат.

Я провоцировал ручьи,
когда весна болела сплином,
сам этим сплином нездоров,
и потому — ручьи толкал.

Кто нам поможет? Мы ничьи,
мы журавли в полёте клином.
И потому я летний кров —
прославить песней помогал.

А лету спьяну обещал —
и обеспечил кров янтарный,
с коньком напару — поблестел
о новизне сосновых слег.

А сам буквально обнищал,
как тот Ходжа, герой винрарный.
Как тот Ходжа — разбогател,
когда понадобился снег.

Моя копилочка чудес —
полна, наверное, на четверть.
Бодрит меня копилки вес,
тем и живу я — чем богат...

И ты живи — сейчас и здесь,
судьба чудес тебе начертит,
но — не забудь, укутай лес,
когда не сможет снегопад.

НЕГА

Прошлогодние очки,
сетка-майка, шорты, сланцы,
на удачу кулачки,
рюкзака нехитрый панцирь
с плотной майкой, с парой шорт –
амуниция на лето.
Личный поезд в Хорошо,
три вагона без билета!

Одноразовый станок –
многоразовый, по сути,
речка – зеркала кусок,
левый краешек в мазуте:
воду город, озорник,
обижал... а я покаюсь.
И покажется родник.
Эх, напьюсь! Да поваляюсь!

Поваляюсь, подремлю,
посмотрю кино про немцев,
где рейхстагу и кремлю
полирует стены пемза...
А побреюсь я потом –
скоро, завтра, через месяц.
Белый день – мой белый дом,
белый поезд, белый тезис!

Лето. Райская еда.
Вот кислушка, вон крапива –
я восполню навсегда

недостаток хлорофилла.
Скоро ягоды попрут,
недуром, на всякий выбор,
и места грибные ждут
влажно-солнечных улыбок!

Девки млеют, голышом,
каждой спинку чешет лучик,
что же, тоже хорошо,
чем-то даже — травок лучше.
Но со мной и вдалеке,
здесь и там, в завалах снега,
в роднике и в леднике —
ты, моя сплошная Нега!

Интересней девки нет —
я в очках, но без диоптрий,
я прожил десятки лет,
а сердечком вроде бодрый,
сколько б город, озорник,
не пинал грибное место...
Снова я к тебе приник,
родниковая невеста!

Ты подуешь завсегда
на ушибы и порезы,
повалеешь по цветам,
исцеляющим, полезным.
Ты не станешь мне женой,
тем теплее воля неба —
лето с шумом-тишиной
из твоих ладоней, Нега!

***

Ах, дядя Фёдор... Мой любимый мультгерой!
Забрал кота, собаку и — свинтил из дома,
обзавелся» провинциальной штаб-норой,
и вставил аду городскому три пистона.

Его кошка, Матроскин, дьявольски умён,
его собака — Шарик — ангел и фотограф,
а любознательный галчонок вдохновлён
на то, чтоб клюнуть почтаря в сургучий потрох.

Ах, дядя Фёдор... Твой любимый. Он герой.
Ему рисуются открытые дороги...
Ну что ж, и ты ему пути не перекрой,
пускай синхронно ваши двигаются ноги.

Но если он свою политику предаст,
тем паче — ежели тебя хоть раз обидит,
я напишу, что дядя Фёдор — либераст —
на сельсовете, на Кремле в Москве, на МИДе.

А так — совет вам да любовь на долгий век,
в подмогу — птичка вам, и Шарик, и Матроскин.
Я ухожу, не обещаю «I'll be back»,
я убираю терминаторские сноски.

ТАМ, ГДЕ ТЫ

Там, где ты — я не вижу ни серой брусчатки,
ни сплошного, такой же расцветки, забора...
У меня всё в порядке с работой сетчатки,
я уверен — здесь был, но расплавился город.

Там, где ты — перекрыто величие моря,
две упругих волны под майчонкой хэбэшной —
убеждениям ветра морского не вторя,
унесли меня в дымку от пены прибрежной.

Там, где ты — недостаточно прав горизонту,
проведённая линия вышла неровно,
ты добавила вольный нюанс эпизоду,
как звезду Водолея в созвездие Овна.

Там где ты — и для юбки нет статики функций,
силой пальчиков двух ты включила кокетство,
на тебя, из-под сакуры, смотрит Конфуций,
не стесняйся, и молча его поприветствуй.

Там, где ты — на интимных эпитетах вето,
на таких-то лучистых... А ты — как обычно,
необычна в оттенках тепла и запрета,
необычна и тем, что не станешь привычна.

Там, где ты — я иду за тобой по брусчатке,
и не вижу её, и не вижу забора.
Мы в часах... Оставляй на песке отпечатки,
это лето для нас не закончится скоро.

***

Я не придумывал тебя —
как мне усиленно внушают,
я не настолько фантазёр,
и не настолько мазохист.

Мы там, где ты, мы там, где я,
нас нечто большее сближает,
чем то, что я резинкой тёр,
неверно выведя на лист.

Я не придумывал тебя,
нас нечто большее разводит,
чем то, что мял я, как хотел,
а перед смятием — черкал...

Сегодня сам живу — терпя,
так буду жить я.. буду вроде,
коснутся пух, листва, метель
и дождик — разом двух зеркал.

***

Ты не думай, что я лукавлю,
говоря, как я верю в каплю —
в кАплю имени, в эхо-букву...
Не найдешь ты во мне хапугу.

Ни в одном из верховных смыслов —
мне не нужно, чтоб ты зависла,
мне не нужно, чтоб ты остыла...
Мне не больно, что ты — забила.

Ты забыла начало слова,
я напомню — себе — какого,
но какого... к тебе я лезу?
Шёл бы к лесу я, к лесу, к лесу!

Может, к лесу, а? Там же росы,
неприлично большая россыпь.
И не думай, что я лукавлю,
говоря, как я верю в каплю...

***

Золотые слова значат много — в пределах амбиций,
точно так же, как золото — жёлтый текучий металл.
Вижу рыхлых людей, доведённых до нужных кондиций.
Вижу волю, я частью плантаций ходячих не стал.
Я умею дышать. Но дышать мне практически нечем,
каждый вдох — вдох тяжёлого смога... а кто виноват?
Сто пудов — мастаки на блестящие умные речи,
поминутно смотрящие в свой и в чужой дипломат.
Мне бы выпить водицы, как дикому предку — из речки —
не могу, потому что по речке проходит баржа,
у которой позднее найдут нефтяные утечки...
Кто-то сделал глоток, и лицо поразила парша.
Это очень цивилизно, не правда ли, герры магнаты?
Господа каторжане, всё в норме? Ну, слава яйцу.
Из него скоро вылезет цыпа в кусках стекловаты.
Надо срочно повесить оклад колдуну-мудрецу.
Я младенцем был добрым у сладостной мамкиной титьки,
а потом... видел души убитых коров и телят,
ведь у герров магнатов от крови зависимы слитки,
ведь господ каторжан чем-то кормят, пока не съедят.
Сколько выпадет сил — буду рвать паутину «традиций»,
пауки мне родня, но не ваших углов пауки,
золотые слова значат много — в пределах амбиций,
и поэтому мне золотые слова не с руки.
Точно так же, как золото — жёлтая мягкая масса
для отделки плантаций по классовым признакам... тьфу —
на понятие класса, на ваше понятие класса,
и на все методички в отделанном кожей шкафу.
Сколько выбью огня — я плескать его буду в бумагу,
и останется та, что не может гореть и дымить,

и останется та, что узнает по почерку-шагу,
и останется та, что запомнила слово — «любить»...

***

«Вот ведь, прицелился в путешествии репей!» —
можешь ты подумать, негодюя на меня.
Думай, негодуй, бросая ночью из дверей —
на свою же юбку цвета будущего дня.

Если ты рассердишься на целый-целый день,
если раскалишься добела... и догола —
я не пропаду, хоть ничего ты не надень,
мне, репью, и шёлковая чёлочка мила.

В пламени стороннем я сгорю и не сгорю:
если испытания печного не пройти —
дымом из трубы реинкарнаций воспарю,
в баньке, после венчика, листочек ощути...

«Вот ведь, прицелился, закомуристый типок!» —
можешь ты подумать, негодюя на меня.
Думай, негодуй, бросай ночами за порог,
главное — изюминку при этом не роняй.

КАМБЭК-СТАЙЛ

Вот я — как обсосок одет,
что вынужден скрашивать плеер,
включённый в мой биокомплект
на стадии выпуска в жизнь.

А ты и сама из конфет,
и модница — тысячный левел.
Я падаю! Будет камбэк.
Ну сколько же можно, скажи...

Твой верх — это стиль облаков,
твой низ — производная моря,
похоже, действительно — Бог
тебе с облачением помог.

На фоне — дома городков,
как спички в унылом наборе,
стоят: коробок, коробок,
ещё — коробок, коробок...

Не камни лежат под тобой —
а те, кто завидовал трошки,
смотри-ка, на глыбе одной —
полоска. Знакомая, да?

Ага, из полоски такой
сплетались твои босоножки!
Но им наш Сапожник-Портной
колора и мягкости дал.

А я — как обсосок одет,
что вынужден скрашивать плеер,
включённый в мой биокомплект
на стадии выпуска в жизнь.

Дороги к тебе — нет и нет,
канатная — сносит правее.
И падаю. Будет камбэк.
Скажи мне, что будет, скажи...

НАПЛЕВАТЬ

«Наплевать» —
одно из любимейших слов человечества.
«Наплевать» —
такие слова не расходятся с делом.
Наплевать,
что жизнь — это будущей жизни разведчица.
Наплевать,
что время грубит одинаковым стрелам.

«Наплевать» —
написано в паблице мзгли марафонящей.
«Наплевать» —
написано в белых глазах депутата.
Наплевать,
насколько правдиво бухтел фараонище.
Наплевать,
что Лёха Костюшкин собрался куда-то.

Наплевать,
что в мясе — волокна мучительной гибели.
Наплевать,
что яйца несут сумасшедшие куры.
Наплевать,
что чёрное съели, а красное выпили.
Наплевать,
что мы — паразиты от нашей культуры.

«Наплевать» —
привито, прибито, прошито, проклёпано.
Наплевать,

какими спасается вера замками.
Наплевать,
что скоро потоп — так обильно наплёвано.
Наплевать,
что схема ковчега в слюне размокает.

Наплевать...
На всё наплевать, ты мой пульс, это главное.
Наплевать,
молчит или в ноту попал запевала.
Наплевать
на виды — реальные, злые, рекламные.
Наплевать —
на то, что и ты на меня наплевала.

ОСТАНЬСЯ

Не стань похожей на других, прошу тебя...
Не разрешай себя учить, ломать и пудрить,
дитю природы не нужны учителя,
ты день, ты вечер, ты сама — в ночи, ты — в утре!

Не стань податливой для общих директив,
смотри вокруг: ну, и к чему они приводят?!
Смотри вперёд, формальный миг опередив:
пригодный принцип — только временно пригоден.

Не стань оглохшей к тёплым дождикам, к сердцам,
стучащим в крышу, скаты мыслей очищая,
сердца не всем перепадают месяцам,
но все дожди — к тебе вернуться обещают.

Не стань... моей, как ни молил бы я о нас,
и без того я — счастья ком... часы — идут ли?
Останься, главное, такой же, как сейчас,
не разрешай себя учить, ломать и пудрить.

АНЬ И ПЬЯНЬ

хана мне, лёгкого покроя,
куда ни кинь, куда ни глянь —
повсюду Инь, вернее — Ань...
и ток по крови... ток по крови...

итог по крови — крови нет,
я бледен стал, как Носферату,
вокруг меня — сплошной обед,
но волны стёрли нос фрегату,

и он идёт — им поперёк,
он поперёк всему... фрегачит...
никто со дна не подберёт,
маяк — и тот не домаячит.

фреГ. А. чит... слову пять секунд,
а в нём уже она, по центру,
даёт мне жизнь через плаценту,
дитя и мать в ней — со-цветут...

итог по крови — ток по крови...
куда ни сгинь, во что ни встрянь —
повсюду Инь, вернее — Ань...
хана мне, вечного покроя.

ПРОСИТ БЕРЕГА МОРЕ

Если чувствую: всеми забыт —
значит, сам ещё помню про всех,
это кредо моей батарейки —
ощутить против минуса плюс.

Но мои перспективы слабы,
как железный мечтун-дровосек,
он же был из обычной «ржавейки»,
и однажды сыграл рейн-н-блюз.

Дровосека, я помню, спасли,
смазав маслом, дав сердце и власть,
жаль, забыл наш герой о невесте,
а ведь сердце искал — для неё...

Даже если невесту нашли,
если вырвана повести часть —
там он плачет: «Родная, мы вместе»,
и вода... забирает своё.

В три ручья молодая ревёт,
утопив две педали момента.
Между плюсом и плюсом — застрянь,
мой мечтун, батарейный фразёр!

Одиноко. Бывает. Пройдёт.
Просит берега море Мemento...
Снова кажется: всё это зря —
значит, я ещё верю во всё.

НА ЛУЧШЕМ ПОЛОТНЕ

Таким как я — желают разорения,
духовного... Желают из руин
вчера ещё элитного строения,
в котором я не жил, иезуит.

Нельзя топча цветы — «элитно строиться»,
тем паче — небо спящее скрести...
Оно спросонок может и расстроиться,
всю вашу лепотищу разнести.

Нельзя цветы топтать — полями целыми,
нельзя леса когтями разрывать,
какой же мёртвой лапой вы заделаны,
что душите, насилуете Мать?

Кто право дал вам реки поворачивать?
Кто право дал животных изводить?
Кто право дал? Вопросом озадачивать —
я буду вас, а вы — себя плодить,

таким как я — желая разорения,
полнейшего, с безумной высоты
назавтра поумневшего строения,
спустившего фасады и зады.

Я сам — живу в малюсенькой амбиции
в деревне под названием Любовь,
без признаков налоговой полиции,
в пейзаже леса, речки и лугов.

Я сыт и пьян картиной, намалёванной
для первой презентации Творца,
а вы... каким же гостем вы заплёваны,
что просите — из Бога холодца?

Грызёт меня молва, собака древняя:
в блевотине ты спал, трупнину — ел!
Всё так. Но направляюсь из деревни я —
в страну, что начинается на «Л».

Потом пойду я далее, найду потом
планету с той же буквой во главе:
«Любовь моя — Земля», а там и дуба дам,
с червонной гарной дамой в рукаве...

Червонная забудет. Разыграется,
сумятицу неся в дубравный кон!
И... встретится мне снова, и понравится
рассвет моих малюсеньких окон.

Никто не пожелает разорения —
из рубелем разглаженных руин
когда-то небоскрёбного, строения,
стоявшего на лучшей из картин.

ЛЮБЯКА

снова кажется,
словно кашлица
из любви —
по тарелке размажется,
приостынет чуть-чуть,
бяка манная,
манна Божья,
с тобой — пополамная...

снова кажется —
сон куражится,
я и ты —
это рифмой не вяжется,
почему же
не дую на ложечку,
и не пробуешь — ты —
понемножечку?

снова кажется —
всё уляжется,
но зачем
сон и днём кочевряжится?
я не слышу
упрёков Родителя.
мне не голодно...
мне упоительно...

снова кажется —
в сноп завяжется
то, что с болью

поспорить отважится,
и не стынет ничуть
бьяка манная,
манна Божья,
с тобой – пополамная...

ФУТБОЛЕТО

Деревенский пройдоха —
я учился нормально,
для себя, и формально.
Кое-что, да узнал.
По шкале пятибалльной
получив, сколько надо,
в лето прыгал с каната —
чуть кивала весна.

Был экзамен отрадой —
тот, который последний
перед вольностью летней:
пляж, походы... футбол!
А в домушке соседней —
гостья, девочка Аня
с Красной книгой Прикамья,
с фотоснимками гор.

Через дом — гостья Галя
со значком Армавира,
через два — гостья Ира...
Нет, Иринка своя.
Столько важного мира,
что заклеенный мячик
забивался незряче,
аж до слёз вратаря.

А потом было ярче,
а потом было ближе,
чем игра «как в Париже»

и болельщицы взгляд.
Помню, ехали крыши —
у деревни, и наши,
от любви, ну а как же,
так сердечки велят!

А потом стал я старше,
выцвел вымпел на древке,
город, сессия, девки,
виски, водка, портвейн.
Пьяных лет перепевки,
портвешок, водка, виски,
перед загсами визги,
звон ключей и рублей.

В магазине на полке —
молочко, консервишки,
котофеи-мальчишки
голосят «Дай-подай!»
А мультяшные мышки,
и они же девчонки —
теребят свои... чёлки.
Мимо катится тайм.

В поле выросли ёлки,
в горьковатой прохладе
при похмельном параде
я на небо смотрю.
Небо — встречно во взгляде.
Здравствуй... Здравствуйте, Анна.
Аут. Бросите, ладно?
Мы забудём сентябрю...

***

Я ничего не жду от завтра —
ведь всё дано ещё вчера,
когда Создатель и Соавтор
сказал: «Рука моя щедра» —

коллеге, нам пока не предку,
и... проломив тому ребро,
в пустое зло, в грудную клетку
впустил пуховое добро.

Велел — не трогая пролома,
птенца беречь. И взял отгул.
А наш предурок поролоном
проём, для верности, заткнул.

Купив, из ревности, волюну —
и день, и ночь он выгнал вон.
А я — позвал зарю, я вынул
из бока тёмный поролон.

Ты воспарила... Ты вернулась!
Нужна, свободна и верна.
Прости, прости меня за глупость
не мной закрытого окна.

Я не прошу тебя у завтра —
ты мне дана ещё вчера,
когда Создатель и Соавтор
сказал: «Рука моя щедра».

Он только видимость рисует,
что где-то сильно загулял,
Он и тебя — живописует,
и чувствам пишет циркуляр.

***

...Сначала — надо, чтоб «признали»:
схватили, приняли, изгнали,
опять схватили, обогрели,
сожгли, спросили об апреле
едва развеянную золку —
и передали душу волку,
реинкарнированно-злomu,
а по душевному излому
пустили зайку-побегайку,
тем развели на сборник хайку,
сожгли соседствами на полке —
и передали душу ёлке,
реинкарнированно-колкой,
перечитали всё под ёлкой,
музейный склад соорудили,
слепили гипсовый будильник.
...Сначала — «надо», чтоб признали,
уже хватают, новизна ли,
а ты — весна, зола, иголка,
зло волка — зайнойкой от волка,
скульптура, пыль на полке, строки,
японский чих о русском роке,
свет — белый, жёлтая погибель,
реинкарнация на сгибе,
излом огня, развод, вопросы,
чужие, общие отбросы,
свои, далёкие соседи,
душа на гипсовом резете,

ай эс би эн, зачем-то, в книге,
«пока не вникну», «завтра вникни»,
тепло, принятие и изгнаний
и нитка-жизнь... твоих... признаний.

ТЕМНОТА НЕСПОСОБНА УБИТЬ ТЕМНОТУ...

«Темнота не может разогнать темноту...»

Мартин Лютер Кинг (мл.)

Темнота неспособна убить темноту.
Свет – надёжный, проверенный киллер.
Ты читаешь. При свете. Ты вся на свету.
Твой заказ. Никаких «или-или».

Ты читаешь, как ненависть может палить
в тело зеркала, тратя патроны.
А любовь может взглядом её завалить.
Одиночным. И шансы огромны.

ШУМ

Цвет твоих волос — шоколад,
сладкий и, как водится, вредный.
Цепью воли я слабоват...
Лунный стетоскоп ловит шум.

Шум твоих волос — водопад,
в ночь освобождённый царевной.
Ну какой же тут целибат,
и какой тут может быть ум?

Ночь твоих волос — в огоньках,
дальних, и настенно-кремлёвских,
всё, что я скажу — «Анька... ах !»,
то, чем я дышу — меГ. А. мир.

Спрятанный в твоих волосах.
Рвущий тайны мира на блёстки.
Смилуйся, царевна-краса,
прогони меня, не корми!

Цвет твоих волос — шоколад,
сладкий и, как водится, вредный.
Климат на Руси жарковат,
если так тепло — в октябре.

Если не замёрз водопад,
в ночь освобождённый царевной.
Если я опять виноват
в шуме новых строк — о тебе...

***

Чем опечалена, девица?
Что за уныние в смайлике?
Или погода осенняя
душу твою тяготит?

Или учёба не клеится?
Ну-ка, профессор мой маленький,
скомкай свои опасения,
выбрось на Ленина-стрит.

Или с любимым поцапались?
Плохо, но дело житейское,
струнка слетела гитарная
в миг унисона задир...

В танке любви гравицапа есть —
мощная штука, армейская:
если своя губит армия —
можно махнуть в Неомир.

Или ещё что у смайлика?
Зря он грустит обречённо так.
Связаны сплин и спасение —
логика связи пряма.

Жизнь — это форма фристайлинга
для временоидов чокнутых,
вот и предьявы осенние
скоро заглушит зима.

Слышишь, февральская девица?
Я не гарант абсолютнейше,
нет, не гарант, но из прошлого
много успел уяснить.

И у тебя — всё успеется.
Жить — не тужить! Просто любишь и
помнишь о том, как недёшево —
жить, чтобы просто любить.

***

Любовь — от слова «любоваться»,
и, хошь не хошь, наоборот,
хоть яйца завтра — тупо вакса,
хоть беспощадна Турандот.

Любовь — от слова «любоваться»,
так травы чувствуют внизу,
что небо-сон голубоглазо,
что греет их — на том глазу...

Любовь — от слова «любоваться»,
а не «арканишь», например.
Я в любовальне. Тут опасно.
Зато на коже — капли эр.

ОЧЕНЬ

И племяшка — белокурая бэби,
и берёзовый летящий листочек,
и журавлик в мягко-бежевом небе,
и нарядный, на подходе, жених...
Это всё — запечатлённая осень,
впечатлённая тобой, между прочим,
а добра — на миллиарды ей носят,
подкупает каждый год-кружевник.

И небрежный антураж светлой сказки,
и глаза твои в таком антураже,
и улыбка — новый рай без огласки,
и воздушные шары, не без них...
Это всё — запечатлённая осень,
впечатлённая тобой, очень даже.
Вот и я с ней впечатлён. Даже очень.
Как нарядный, на подходе, жених.

АРФА

Ничего ты не скажешь арфе,
в лучшем случае — вспомнишь звуки,
поправляя свой серый шарфик,
так же, молча, в другом году...

Треугольник звенящих нервов —
по количеству струнной му'ки —
и ещё пять заёмных евро
у арфиста на виски «Жду».

Ничего я не жду. Пью водку —
поминаю сегодня бабку.
А в Египте подбили потку
за её двести двадцать душ.

Двести двадцать четыре. Точность
вместо закуси катит в лапку.
Нормалёк, перебыюсь, не кончусь.
Надо взять уценённых груш.

Тем поздравить заочно брата
по зелёной веганской крови,
хоть моя синевой богата
и, вампир говорил, горчит.

Ты не выдашь. Обронишь в юном.
В лучшем случае — вскинешь брови,
угадав по звенящим струнам
эту арфу, в другой ночи...

***

Сорок деревьев повалено
в городе грудью Зимы,
словно Зима Снеголаевна
резкие любит шумы.

Или решила опробовать
новые формы она —
метео-метод Сугрובהа
в клинике «Вип-Времена».

Или глумится напыщенно
в лица машин-горожан,
дескать, на благо расчищено
вашим домам-гаражам.

Или... Но как бы то ни было —
в городе щепки метут,
снега — с процентами выпало,
с треском людских амплитуд.

Видя картинку оконную —
всё же готов обнимать
тёщу мою незаконную,
Тайны-Февралии мать.

Сорок деревьев повалено.
Звоном стал шум, и завис,
будто Зима Снеголаевна
била на счастье сервис.

***

Мне должно любить эту стаю собак,
за то, что я лаю на их языке,
за кальций, накопленный нами в зубах,
за общие нужды в глотке и куске.

За общие лежбища, общий угар,
за то, что в угаре я вздабривал сук,
а тех, кто не вздабривал — хрипло ругал
и смачивал злобой слюны каждый звук.

За то, что я соками сучьих вагин
к оскаленной вере в наш вид причащён,
за то, что у нас видовые враги —
догхантеры, блохи, и кошки ещё.

За то, что мы лапами в чистой реке
елозим, покуда самих не тошнит,
за то, что свободно висим на брелке,
висим на оскаленной вере в наш вид.

За гипервозможность — подумать и встать,
облаять кусок и святой перепих,
за кальций способности — стаю предать —
я должен любить. Я люблю. Но не их.

А ту, что найдёт меня... после всего,
и склеит слюной, несмотря за скулёж.
Скулю и сейчас, но боясь одного —
что это не ты по частям соберёшь.

Не ты сиганёшь по кустам от меня —
за ягодным зайцем, на ужин, для нас,
под кедрами, в логове, в тёплых корнях,
в черёд скулюбви... Я скулю и сейчас.

***

Если костёр не поддержан —
станет он скоро золой,
apocalyptic version
вымажет времени слой.

Серую горку развеет
ветер беспутный, благой,
и, развлекаясь, правее
новый раздует огонь.

Бросит. Возьмёт передышку.
Слева заметит искру.
В общем, подмоги не лишку
нашему брату костру.

То, что случается редко —
в жизни случилось моей.
С дерева падает ветка.
Трель обронил соловей.

Спрячт о мёде медведи,
шерстью на угли соря.
Буду болезненно бледен —
пламени вколет заря...

Ветер ты мой равнодушный,
нужный... хороший, дурной.
Кстати, не слышно — не слушай,
ветренный ветер ты мой.

Знаки беспутья-хайвэя
так символично круглы.
Ты же вернёшься — развеять
серую горку золы.

Это опасная встреча —
ветра с окрепшим огнём,
нас различить будет нечем,
если мы враз полыхнём.

Нас различить будет нечем.

Просится нотка морали —
«люди, тушите костры».
Нет. Все морали — сгорали,
все, от летящей искры.

ЖДАТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБИТЬ

Знаешь, я против системы образования.
Против системного тасования
часто — своеобразных — людей
между шестёрок червей и крестей.
Я продвигаю автодидактику.
Автодидакты не мучают Арктику,
кушают яблоки, дружат с энзимами,
пишут, поют, не барыжат бензином, и
в целом, день завтрашний — с ними возможно,
ибо Арал — не они уничтожили...
Воздух с налогом — не их начинание...
Наших проблем — не они начеканили...

Но ты, вероятно, расстроена
тем, что кто-то, легко и ускоренно,
твой универ ликвидирует.
В этих широтах до срока лидирует
Выгода Мэровна Ликоцелуева.
Почерк её. Может, скажем «Да ну его» —
плюнем на все универы и выгоды?
Долго смотрю на тебя. Не барыга ты.
Учишься делу довольно полезному.
Учишься, я так подумал, по-честному.
Честный психолог — не гад из торгашества,
нет, абсолютно не гад, мне так кажется.

А ещё ты наполнила влагой мои озёра,
карие, антропогенные ямы фразёра.
Не специально. Отметив, что старый придурок —
алконавт или, кто его знает, укурок —

несколько раз потревожил тебя в «контакте»,
ссылкой на пачку стихов помаячил — мол, «как тебе?»
Знай же... он против системы образования,
он хаотически чувствует знания,
карие знания — влажными чувствами,
мазафактически шустрыми...
Он попытается тебе пособить.
А ты — пробуй ждать, и не бойся — забыть.

***

Чем дольше мы с тобою не общаемся,
ни словом — не согрев... не уколов —
тем дольше мы с тобою не прощаемся,
а в жизни у разлук велик улов...

Чем строже нам диктуют обстоятельства
диктанты невозможных наших встреч,
тем больше озорства у нас появится —
чернила для возможностей беречь.

А если ты — как лучшее из нашего —
случаешься над буквенным огнём,
то мы уже ведём себя безбашенно,
разлуку игнорируя вдвоём.

01.01.2016

И год назад я думал о тебе —
внимая символически курантам —
и эта ночь подтаяла в тепле,
смирительном, с погодой аккуратном.

Морозно за мерцающим окном,
где ты — зима, где больше ты, чем праздник,
уверенный в запасе золотом,
как в пятом колесе своём узик.

Я скучный, да? Не пью и не курю,
не тискаю снегурок новоголых...
Пишу вот комплименты январю.
Ни ёлочки, ни даже кока-колы.

Мне неоткуда взять хлопушки слов,
тихи сейчас мои неологизмы,
не требуя ломящихся столов —
тихи они сейчас и некапризны.

А ты — январь, февральский по нутру,
холодный, полуночный, мрачный... звёздный.
А ты — весна, в оконце поутру,
и соком — в чёрно-белые берёзы.

Я думаю, конечно, о родных,
о крестниках, о дружественных лицах.
Морозец новогодний между них.
И тает ночь. И должен день родиться.

КАПЛ

Ничто уже не сможет измениться,
тобою Бог — до смерти начинил,
длинна моих признаний вереница,
единственное — нет во мне чернил.

Ты вытеснила их — и это благо,
помимо безучастной тишины —
их нянчит белоснежная бумага,
им куколки судьбы разрешены.

А мне приспело жить любимым светом,
дивясь, как я с тобою совместим,
не помня, что завидовал поэтам,
но чувствуя, что мы — на зависть им...

Всему своё начало и пространство,
всему своё терпение и срок.
Я светлый стерженёк. И рад стараться.
И благо, что не видно больше строк.

***

У тебя даже в статусе — Время
и Пространство... А сотни подруг
обновляют по статусам трэшик
и рекламу худелок-плацебо.

Синий след Стихотворца-еврея
на стене твоей тоже — не вдруг.
Ни один твой знакомый олешек
не смотрел в губермайское небо.

Ты проста и чарующе стильна,
это чисто вселенский эффект —
обладая смотрелкой на звёзды,
я, в присутствии звёзд, утверждаю!

И волнуюсь, достаточно сильно:
по твоим ли потребностям — век,
чем сегодня напудрила нос ты,
и какому досталась джедаю...

У тебя даже в статусе — Время
и Пространство... А сотни друзей
обновляют по статусам факи
и рекламу качалок-плацебо.

Ты слова Стихотворца-еврея
сохрани для себя, не отсей,
и мои сохрани смехоплаки —
на правах, на задачах прицепа.

А капл — это обычная капля чернил, разве что без «я» и гарантий восстановления. Счастье — когда такой неполной капле хватает на последнюю строку. Счастье — многомерное забытьё между последней строкой и неизвестностью. Счастье — камбэк, гроза, ливень и море, просящее берега...

Ты удивительно красива.
Ты удивительна. Спасибо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С двадцаточкой, принцесса!	4
Нелегал	6
От крыл	7
«Витиевато выражаясь...»	8
На сине-белом и чёрно-звёздном	9
Гармония стучащего движка	10
Вольфрам	11
Сумбурёнок по имени Прив	12
Оригами	14
авиа	15
А. Г.	16
Привет, я скучаю	17
гАрмоНия	18
«Вы поменяли фото в профиле ..»	19
Легковь...	20
Остров	21
«Господь играет в баскетбол..»	22
«В её улыбке и молчании...»	24
«Тряси, тряси меня, трясина...»	25
звездА!!Гори	26
Сколько раз?	28
Мммутант	30
Сумка	31
«Светилу не нужно ответных лучей...»	33
Взгляд мечты	34
Н. а. с.	35
А	36
От вечного	38
По рёбрышкам	39
мне был нужен единственный кадр...	40
Лексика	41
«И пришёл я к тебе...»	42
Циник, made in Русь	43
Со спичечным светом	44

Больше, чем утро	46
Грозовой Аметист	48
«Твоя подруга размещает ваше селфи ...»	49
HD	50
«Камуфляжные листья...»	52
Ничего или всё	54
Тебе	56
Волчий задор	57
«если я разобьюсь...»	58
Девочка на шаре	59
БГолливуд	61
Год наоборот	63
Три-пятнадцать!	65
Романс	65
Пост-Романс	67
«Храни меня Бог от наживы и славы...»	69
Анькаголик	71
Влажное решение	73
Подкожные слёзы	75
На грани	77
Мне нравится	79
Тяжело и легко	80
Уже	81
Сейчас и здесь	82
Нега	84
«Ах, дядя Фёдор... Мой любимый мультгерой!..»	86
Там, где ты	87
«Я не придумывал тебя ...»	88
«Ты не думай, что я лукавлю...»	89
«Вот ведь, прицепился в путешествиии репей!» ...»	92
Камбэк-стайл	93
Наплевать	95
ОстАнься	97
Ань и пьянь	98
Просит берега море	99
На лучшем полотне	100

любяка	102
Футболето	104
«Я ничего не жду от завтра ..»	106
«..Сначала — надо, чтоб «признали..»	108
Темнота неспособна убить темноту...	110
Шум	111
«Чем опечалена, девица?..»	112
«Любовь — от слова «любоваться..»	114
Очень	115
Арфа	116
«Сорок деревьев повалено..»	117
«Мне должно любить эту стаю собак..»	118
«Если костёр не поддержан ...»	120
Ждать нельзя забить	122
«Чем дольше мы с тобою не общаемся..»	124
01.01.2016	125
Капл	126
«У тебя даже в статусе — Время..»	127

Владимир Ильичев (Сквер)

Аметистовые Грозы

Фотограф www.freedigitalphotos.net Boykung

...И молния в джинсовой ткани
летит архисказочно вниз...

«Аметистовые Грозы» — сборник любовной и философской лирики, преимущественно одного — 2015 — года написания. Книга-созерцание, книга-посвящение, книга-подарок. Несмотря на то, что автор фреГАчит по меГАмиру подчёркнуто определённым и парадоксально хаотическим курсом, некоторые произведения могут заинтересовать и стороннего читателя — если тот понимает любовь как счастье без хомута, а творчество как доступ к чудесам и продолжение космоса красоты.

Книга создана в интеллектуальной
издательской системе
Ridero.ru

ISBN 978-5-4474-4724-3

9 785447 447243 >